

Настоящий Чехов

В. Березин

Толстой как-то писал к Тургеневу: «Вчера вечером, в 8 часов, когда после ночной железной дороги я пересел в дилижанс на открытое место и увидел дорогу, лунную ночь, все эти звуки и духи дорожные, всю мою тоску и болезнь как рукой сняло или; скорей, превратило в эту трогательную радость, которую вы знаете. Отлично я сделал, что уехал из этого содома. Ради Бога, уезжайте куда-нибудь и .вы, но только не по железной дороге. Железная дорога к путешествию то, что бордель по отношению к любви — так же удобно, но так же нечеловечески машинально и убийственно однообразно».

Толстой как будто предчувствует, что ничего хорошего из его отношений с железной дорогой не выйдет — и верно. Так оно и вышло.

А ведь был писатель, которому повезло с железной дорогой. «Поезжайте, — так пишет Чехов Телешову, - куда-нибудь далеко, верст за тысячу, за две, за три... Сколько всего узнаете, сколько рассказов привезете! Увидите народную жизнь, будете ночевать на глухих почтовых станциях и в избах, совсем как в пушкинские времена... Только по железным дорогам надо ездить непременно в третьем классе, среди простого народа, а то ничего интересного не услышите. Если хотите быть писателем, завтра же купите билет до Нижнего».

Но Чехов похож на слона, которого один держит за хвост, другой за хобот, а третий исследователь за ухо. Все пытливые читатели говорят хором. Чехов молчит.

В нем множество загадок — и в состоянии покоя, которое так несвойственно его героям, и в состоянии вечного, порывистого движения.

Сетью железных дорог упала звезда Полюнь на русскую землю. Свернуть с этого пути нельзя, реборды колес удерживают персонажей от произвола.

Другой великий роман, вопреки известному заблуждению, начинается не с несчастливых и счастливых семей, не с их похожести и различий, а с паровоза, который, перевалив за полусотню страниц, соединяет героев. Паровоз-терминатор, окутанный паром, огненный, будто механические ножницы в руках парок — вот первый образ паровоза.

Эта традиция нерушима. Железнодорожная тема — тема повышенной опасности. Тема соприкосновения с неизвестным. Этот способ перемещения — самый демократичный на протяжении целого века русской истории.

Чеховские персонажи — люди железнодорожного века, это путевые инженеры, строители мостов, развалившиеся на бархатных диванах первого класса, обходчики и телеграфисты. У Чехова все находится в движении. Даже те герои, что навек застряли в провинциальном городе, рвутся сдвинуться с места — чемодан — вокзал — Москва. Всякая девушка надеется, что ей шепнут «Молчановка. Дом Грохольского...», и после железнодорожного путешествия жизнь ее изменится. Все накануне движения — разезда, дороги, отплытия в экспедицию.

Железнодорожный статский советник размышляет: «М-да... Необыкновенная жизнь... Про железные дороги когда-нибудь забудут, а про Фидия и Гомера всегда будут помнить...». Наваждение статского советника проходит, да и железные дороги остаются. Едут по ним надзиратели таможен, поручики, дачники, трогается поезд, публика швыряет во все стороны багаж: «Ты своими вещами чужие места занял». Кричат, зовут кондуктора...»; ожидают (или не ожидают) их другие дачники, и ожидание поезда стало общим местом русской литературы: «Вагоны, платформа, скамьи - все было мокро и холодно. До прихода поезда студент стоял у буфета и пил чай... Но вот вдали показались три огненных глаза. На платформу вышел начальник полустанка. На рельсах там и сям замелькали сигнальные огни».

Эти начальники полустанков сами становятся путешественниками, влюбленными, проходимцами. «В тот год, с которого начинается мой рассказ, я служил начальником полустанка на одной из наших юго-западных железных дорог».

Это такое же неувидительное начало повествования, как «Однажды в вагоне...». Иной герой «писал "Историю железных дорог"; нужно было прочесть множество русских и иностранных книг, брошюр, журнальных статей, нужно было шелкать на счетах, перелистывать логарифмы, думать и писать, потом опять читать, шелкать и думать; но едва я брался за книгу или начинал думать, как мысли мои путались, глаза жмурились, я со вздохом вставал из-за стола»...

Кроме пассажиров, едут и по делу. Вот старик с сыном везут скот, спят в теплушке, где нетепло.

Веселья нет, это не путешествие, а работа.

На остановке он идет к локомотиву, проходит два десятка вагонов и «видит раскрытую красную печь; против печи неподвижно сидит человеческая фигура; ее козырек, нос и колени выкрашены в багровый цвет, все же остальное черно и едва вырисовывается из потемок».

Никто не отвечает старику. Машинист безмолвствует как железнодорожный бог.

А паровоз — алтарь этого бога.

Надо всем дать — обер-кондуктору, машинисту, смазчику... Откупиться от паровоза — к этому идет все дело в рассказе «Холодная кровь».

Чехов повсеместно называет паровоз локомотивом. Локомотив у него свистит — «вот послышался свист, поезд глухо простучал по мосту» и «тяжело вздыхает»; «Локомотив свищет и шикает...». («Загадочная натура»). «Локомотив свистит, шипит, пыхтит, сопит...»; вообще, шипение - неотъемлемое свойство перемещения чеховских героев по рельсам даже в воображении — Наденька К. пишет в дневнике: «Железная дорога шипит, везет людей и сделана из железа и материалов». Несчастный и униженный муж дарит любовнику своей жены... Что?.. «У меня есть одна вещичка... А именно, маленький локомотив, что я сам сделал... Я за него медаль на выставке получил».

Вокзал — место встречи толстого и тонкого, мужчины и женщины, мирной встречи человека и поезда. Но есть еще более страшный способ единения человека с поездом, когда первый сливается с искореженным железом, и оба с землей. Вываленный скверным возницей из пролетки, путейский инженер копошится в грязи, готовясь бить виновника. «Вспомни Кукуевку!» — говорит ему жена. В этот момент крушение становится знаком. Термин превращается в метафору, становится частью языка.

Потом Чехов написал рассказ «Злоумышленник». Уместно вспомнить Гиляровского, который говорил когда-то о дачной местности Красково: «В 1885 и 1886 годах я жил с семьей в селе Красково по Казанской дороге, близ Малаховки. Теперь это густонаселенная дачная местность, а тогда несколько крестьянских домов занимали только служащие железной дороги. В те времена Красково пользовалось еще разбойничьей славой, деля ее с соседней деревней Кирилловкой, принадлежавшей когда-то знаменитой Салтычихе. И из Кирилловки, и из Краскова много было выслано крестьян за разбои в Сибирь. Под самым Красковым, на реке Пехорке, над глубоким омутом стояла громадная разрушенная мельница, служившая приютом «удалым добрым молодцам». В этом омуте водилась крупная рыба, и, между прочим, огромные налимы, ловить которых ухитрялся только Никита Пантюхин, здешний хромой крестьянин, великий мастер этого дела. На ноге у него много лет была какая-то хроническая гниющая рана, которую он лечил, или прикладывая ил из омута и пруда, или засыпая нюхательным табаком. Никита сам делал рыболовные снаряды и, за неимением средств на покупку свинца, употреблял для грузил гайки, которые самым спокойным образом отвинчивал на железнодорожном полотне у рельсов на местах стыка. Что это могло повлечь за собой крушение поезда, ему и на ум не приходило».

Чехов очень интересовался моими рассказами о Краскове и дважды приезжал туда ко мне. Мы подолгу гуляли, осматривали Окрестности, заглохшие пруды в старом парке. Об

одном пруде, между прочим, ходило предание, что он образовался на месте церкви, провалившейся во время венчания вместе с духовенством и брачующимися. Антон Павлович записал это предание. И вот на берегу этого самого пруда в зарослях парка мы встретили Никиту. Он ловил карасей и мазал илом свою ужасную ногу. Антон Павлович осмотрел ногу и прописал какую-то мазь; я ее привез, но Никита отказался употреблять лекарство и заявил:

— Зря деньги не плати, а что мазь эта стоит — лучше мне отдавай деньгами либо табаку нюхательного купи: табак червяка в ноге ест.

Рассказал я Чехову, как Никита гайки отвинчивает, и Антон Павлович долго разговаривал с ним, записывал некоторые выражения. Между прочим, Никита рассказывал, как его за эти гайки водили к уряднику, но все обошлось благополучно. Антон Павлович старался объяснить Никите, что отвинчивать гайки нельзя, что от этого может произойти крушение, но Никите это было совершенно непонятно. Он только пожимал в ответ плечами и спокойно возражал:

— Нешто я все гайки-то отвинчиваю? В одном месте одну, в другом - другую... Нешто мы не понимаем, что лъзя, что нельзя?

Никита произвел на Чехова сильное впечатление. Из этой встречи впоследствии и родился рассказ «Злоумышленник». В него вошли и подлинные выражения Никиты, занесенные Чеховым в свою знаменитую записную книжку».

И вот Чехов написал свой великий рассказ, из которого, при внимательном чтении, можно вывести и 1917 год, и 1930, а также 1991.

Был бы мужик злобен и страшен, величие этого рассказа растворилось бы в ненужной простоте эмоций. Но потенциальный убийца нескольких сот человек мил и добр, он существует внутри общинного понятия справедливости. В патриархальном пространстве даже математика особа — из много (почти бесконечного) если отнять немного, то бесконечность не изменится. В мире следователя бесконечность — абстрактна, а гайки — счетны. В мире мужика бесконечность конкретна, а гайки бессчетны — как рыба в реке и звезды на небе, Таков нравственный закон мужицкого Канта, что в неразрешимом противоречии с нравственным законом следователя, который, разумеется, читал настоящего Канта.

Никто не может победить — ни мужик, ни прокурор, вернее — победа одного всегда гибель для обоих. Конечно, люди в мундирах могут изолировать мужиков с гайками в кармане в специально отведенных местах, а мужики, в свою очередь, могут, перестреляв барчуков, подпустить красного петуха на домики железнодорожно-станционных смотрителей. Но союз их невозможен и вряд ли возможен третий путь.

Это текст не о судебном чиновнике и мужике, а рассказ о столкновении Запада и Востока, вместе которым не сойтись. В нем есть все — частная собственность и ее судьба в России. Патриархальная жизнь, что медленно отступает, огрызаясь, под напором цивилизации. В нем есть две правды, каждая из которых не хуже другой.

Именно поэтому железная дорога под конец благодарно приняла Чехова в свои последние объятия, раскрыв дверь железнодорожного рефрижератора. Ничего постыдного в путешествии домой внутри устричного вагона не было — холод сберегал Чехова, а железная дорога баюкала его на прощание.

Алевтина Кузичева

Нынешние разговоры о Чехове, как никогда в предыдущие юбилейные годы, проявили полярные мнения. Для одних наших современников творческое наследие создателя «Скучной истории», «Палаты № 6», «Чайки» — вечно, потому что, по их признаниям, оно настраивает ум и душу на самопознание и самосознание. Для других-автор «Вишневого сада», «Ионыча» и «Невесты» — писатель из школьной программы. Имя Чехова в современной культуре, с их точки зрения, удерживается только благодаря театру. Не будь этого векового неубывающего интереса к драматургии Чехова во всем мире, оно осталось бы, подобно другим именам, только на страницах учебников и трудов по истории русской литературы. По

мнению некоторых современных литераторов и исследователей, Чехов лучше всего выразил свое время и остался в нем.

Научные рецепты, как надо писать о Чехове, чтобы его не перестали читать даже в школе, изредка рябят спокойную гладь чеховедения. Внезапные призывы к театральным режиссерам «отдохнуть» от Чехова ненадолго становятся злобой дня. Но все эти волнения и опасения не выходят за рамки узкого круга людей, пишущих о жизни и творчестве Чехова или о сценическом воплощении его творческого наследия. Чехова по-прежнему читают, и театр от Чехова по-прежнему не «отдыхает».

Во всем, что говорилось и писалось о Чехове в последние десятилетия и говорится сегодня, в «год Чехова», может быть, самое интересное - это отношение к личности Чехова, его облик в беллетристических и драматургических сочинениях, в художественных и документальных: фильмах, в живописных и скульптурных воплощениях.

Пожалуй, ни один русский классик не становился героем столько пьес, романов, рассказов. Никого не упоминают так часто в спорах о русской интеллигенции, о прошлой и нынешней России. Его имя ежедневно мелькает на газетных и журнальных страницах. Оно занимает все большее место в Интернете.

В чем причина такого очевидного присутствия Чехова в сознании наших современников, такого равнодушия к его личности? Почему именно Чехову все настойчивее предъявляется строгий счет?

Не только литературное, но и человеческое неприятие он ощущал еще при жизни. Нельзя же, допустим, объяснить случившееся на премьере «Чайки» в Александрийском театре осенью 1896 года исключительно личной неприязнью и завистью столичных литераторов и критиков. Не сгоряча, не на следующий день, а спустя почти два месяца Чехов написал А.С. Суворину; «17-го октября не имела успеха не пьеса, не моя личность. <...> произошло то, что дало повод <...> «Неделе» вопрошать: «что сделал им Чехов», а «Театралу» поместить целую корреспонденцию (95 №) о том, будто бы пишущая братия устроила мне в театре скандал. Я теперь спокоен, настроение у меня обычное, но все же я не могу забыть того, что было, как не мог бы забыть, если бы, например, меня ударили».

Недовольство «пишущей братии» проявлялось по-разному и по многим поводам. Свидетельством тому дневники, письма, воспоминания и мемуары современников. Некоторые из них искажали реальные обстоятельства встреч и бесед с Чеховым, чтобы принизить или дискредитировать его как человека.

Это раздраженное неприятие длилось все минувшее столетие, иногда принимая какой-то личный характер. Оно словно вдруг обострилось в последнее время. Что «сделал Чехов» нашим современникам, заявляющим, что Чехов будто бы «очернил» Россию, что якобы он своими сочинениями «расшатывал» общество и государство?

Почему вопреки всемирной славе, все новым и новым переводам на многие языки мира некоторые наши соотечественники отказывают Чехову в таланте и объявляют сегодня, что он незаслуженно выдавал себя за «великого писателя»? Точкой отсчета в нынешних юбилейных газетных и журнальных выступлениях становятся порой резкие мнения о Чехове поэтов и писателей двадцатого столетия, не всегда сопровождаемые размышлениями о природе этих мнений.

Все чаще встречаются глубокомысленные размышления о Чехове-провинциале, Чехове-мещанине. В его словах, поступках выискивают приметы мещанского образа жизни и вкуса, подают как намеренный жест — просьбу умирающего Чехова подать ему бокал с шампанским. Хотя известно давно, что ни о чем подобном он не просил. Ему приписывают множество недостатков, даже пороков. Пишут, например, что на Сахалин он поехал, чтобы избежать женитьбы и вообще не составил счастья ни одной женщины, был женофобом.

Понятна в своих истоках и намерениях реклама, использующая сегодня имя Чехова (ресторан и консервы «Дядя Ваня», вино и казино «Чехов», салон «Три сестры», кафе «У Антоши Чехонте» и т.п.). В газетах к Чехову приклеили выражение «русский бренд».

Ни для кого не делающая исключений современная пресса не оставила в покое и Чехова. Пошлость, к тому же дающая прибыль, бессмертна. Как и пошлость дилетантов, не обременяющих себя точными датами и цитатами, не ощущающих безвкусыя своих сочинений. Под их пером Чехов «нормальный мужик», любивший всюду посещать «церковь, кладбище и... заведение». Слово «бордель», ненормативная, грубая лексика стали приметой современных беллетристических поделок о Чехове. Как и фамильярность, когда Евгения Яковлевна для автора рассказа — «мама Женя», а Павел Егорович—«крутой бизнесмен». В одной из газет в рубрике «Мало кто знает, что...» утверждалось, что Чехов в детстве занимался иконописью, выучился самостоятельно играть на скрипке и т.п. Может быть, автор шутил, а вдруг все это всерьез?

Фольклор последних десятилетий сразу стал использовать имя Чехова и клише, связанные с его произведениями: «К «старым русским» «русский новый» // Сад пришел рубить вишневый, //Ай да Чехов! Ну, пророк! //Все предвидел, все предрек!» Чехова и его героев сегодня цитируют часто, намеренно искажая или переиначивая.

Этот пошлый антураж неизбежен в переходные времена. Он сойдет на нет, сам по себе. Для торговой рекламы и саморекламы бойких сочинителей потребуются другие имена, используемые как ярлыки.

Но пройдет ли раздражение против Чехова среди «пишущей братии», в серьезной литературной среде? Может быть, это реакция на мифологию, возникшую вокруг имени Чехова еще при его жизни — «певец русской интеллигенции», «подлинный демократ», «настоящий сын России» и т.п. В современной пародии на «зацелованного до смерти Чехова» звучит мольба: «Ах, оставьте, оставьте, оставьте вы меня уже наконец в покое...». Слышен звук с неба. Душа Чехова пролетает над нами над всеми и плачет. Занавес».

Но не оставляют. Даже план мероприятий, предложенных российскими учреждениями культуры в связи с нынешним юбилеем, пестрит названиями выставок, вечеров, «акций», конференций: «Сверкающий печальным юмором серьезный Чехов», «Доктор человеческой души», «Чехов — это звучит гордо», «Чехов — зеркало нравственной красоты», «Чехов — творец истории, создатель духовных ценностей», «Чеховские книги — неутомимые труженики» и т.п. Упомянут спектакль по «Даме с собачкой» под названием «Время Ч.», беседа-портрет «Наш Антоша Чехонте» и «литературный коктейль» — «О, как играет музыка».

Может быть, это раздражение передает опосредованно недовольство былой российской интеллигенции своей незавидной ролью, утратой представления о себе, своем духовном лидерстве? Проступает досада на то, что «севрюжины с хреном», кажется, хочется больше, чем «конституции»? Житейски оно понятно, но признаваться в этом, как сто лет назад, признался один из горьковских «дачников», наоборот, не хочется («Мы все здесь — дети мещан, дети бедных людей,, Мы, говорю я, много голодали и волновались в юности... Мы хотим поесть и отдохнуть в зрелом возрасте - вот наша психология... И, наконец, наплевать мне на ваши рассказы... призывы... идеи!»).

Злоупотребляя признанием молодого Чехова в одном из писем о выдавливании «из себя по каплям раба» и обращая его, уже как требование, к окружающим, но не к себе лично, современные радители о чужой нравственности и о собственном материальном благополучии редко вспоминают другое признание Чехова в письме к коллеге, земскому врачу: «Не надейся на князи и сыны человеческие... И напомним еще одно выражение <...> сыны века. <... > Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры; <...> Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже тогда, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям - интеллигенты они или мужики, - в них сила, хотя их и мало.

Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т.д. и т.д. — и все это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции en masse и несмотря ни на что».

Судя по всему, именно такие, в чеховском понимании, отдельные личности были и остались неведомыми читателями и зрителями Чехова. Разбросанные по всей России Педагоги, библиотекари, деятели культуры, «интеллигенты они или мужики», были и есть его собеседники.

Что же до рассерженных читателей, утверждающих, что это сам Чехов — «человек в футляре», что у создателя рассказов «Святою ночью», «Студент», повестей «Мужики», «В овраге» нет ни морали, ни религии, ни мировоззрения, то, во-первых, это говорилось строгими ревнителями еще при жизни Чехова. И не повлияло на современников. Во-вторых, как сказал один из наших современников, каков читатель, таков у него и Чехов.

Однако недовольство Чеховым, угадываемое или подчеркнутое раздражение, даже недоброжелательство, всегда имевшее и имеющее в каждом конкретном случае свои истоки, как когда-то у «пишущей братии» в зрительном зале, на первом представлении «Чайки», скрывает, может быть, один немаловажный общий симптом в настроении нашей эпохи.

Может быть, не ко двору сегодня такая личность, как Чехов? И потому именно о нем так много говорят, пишут? Откликаются не только и не столько на его сочинения, но на его судьбу, житейские поступки и поведение.

Личность Чехова и его наследие уже сбрасывались с «корабля современности» в 20-е годы XX столетия. Тогда заявляли, что «в новой России, в новую эпоху, перед новой аудиторией, перед людьми действия и нового ритма, нельзя играть Чехова». Затем его облик «загримировали» под очень серьезного человека, с твердым, но чуть усталым взглядом из-за стекол пенсне. На несколько десятилетий к нему приклеили тогдашний «бренд», то есть ярлык «великого гуманиста», борца с пошлостью, художника с «активным отношением к жизни, призывавшего к борьбе, к действию». Из биографии Чехова выбрали несколько моментов (поездка на Сахалин, строительство земских школ, помощь бедным). Из писем Чехова и воспоминаний о нем отобрали высказывания о служении народному благу, о самовоспитании и т.п. Лишенные контекста, они приобретали в учебниках оттенок учительства, назидательности. Этот «портрет» человека в пенсне подменил реальную личность Чехова.

Затем театр 60-х годов взорвал уже привычную ситуацию вокруг Чехова. Спектакли молодых талантливых режиссеров отменили театральную «мхатовщину», то есть повсеместную имитацию открытий Московского Художественного театра. Они поколебали и трафарет, наложенный на личность Чехова.

Навязанный «портрет», конечно, всегда мешал, но, вероятно, никогда не мог совсем скрыть личность Чехова. Всем было доступно творческое наследие Чехова. Здесь, особенно после выхода академического собрания сочинений и писем подготовленного славным поколением чеховедов, высочайших профессионалов, Чехов — это Чехов «без грима» и «без глянца». Сегодня одни говорят, что эти томики для них «вторая Библия», другие предлагают, ни много ни мало, скорее выбросить их вон.

Письма Чехова его современники сравнивали с письмами Пушкина. Они не дают готовых и однозначных ответов на какие-то житейские вопросы, вводя поначалу в заблуждение кажущейся простотой и бесхитростностью.

Они вызывают множество вопросов к Чехову, которые незаметно оказываются вопросами человека к самому себе.

Отношение Чехова к семье, которую он держал на своих плечах, — самопожертвование или слабость характера? Его душевная закрытость, уклонение от интервью, публичных выступлений - защита от любой «братии» или одно из условий внутренней свободы?

Как удавалось ему не впасть в грех мести, злопамятства? Что помогало преодолеть искушение завистью, соблазн больших денег, обольщение лестью, литературным успехом? Только ли вопрос о Боге он решал наедине со своей совестью? Что питало рост его души?

Вопросы множатся и множатся раз от раза: зачем все-таки он поехал на Сахалин? Почему не лечился от своего смертельного недуга, а тратил свои гонорары на земские школы, на тихую благотворительность (материальная помощь бедным гимназистам, студентам, различным обществам вспомоществования, приютам)? Собирал деньги на лечение чахоточных больных, признаваясь, что они смущают его «сытое и теплое спокойствие», что от этих бед никуда не спрячешься и прятаться грех.

Может быть, ответ на эти и другие вопросы объяснит, почему Чехов, как никто другой, всегда кого-то раздражал, до сих пор раздражает и будет раздражать. Действительно ли такая личность антипатична не только «сынам века», но самому нашему веку, но какая-то сила удерживает Чехова в новом времени...